

НАРОДНОМУ АРТИСТУ РОССИИ НЕ УДАЛОСЬ ОТВЕРТЕТЬСЯ ОТ СОБСТВЕННОГО 80-ЛЕТИЯ

ЖЕ МАЛЬЧИШКА...

кой драме, и это был мой первый цикл обучения актерскому делу.

— Это когда вы учились на филфаке ЛГУ?

— У нас в студенческом театре Игорь Горбачев ставил спектакль, а Сережа Юрский еще продолжал играть, и я был совершенно очарован этим артистом — мы с ним большие друзья: он на четыре с половиной года меня моложе, но я считаю его старшим братом. Потому что он очень талантлив, интеллектуал высшей пробы. А потом был Театральный институт, четыре года в БДТ, ставшем для меня театральной академией, но я сам оттуда и ушел — мало играл. А профессию у нас надо нарабатывать на собственной шкуре.

— Помните, вы в своих мемуарах ссылаетесь на слова Зинаиды Шарко: «Золотая дюжина» держит репертуар в своих зубах, пока жива».

— Да играть-то мало — еще ладно. Но главное — могли задавить общественной работой. Ведь меня в партию приняли в БДТ, сказали, что я прирожденный большевик. В самом хорошем смысле.

— Значит, когда вы были командиром десантного корабля, то партийным не были?

— Нет, я считал себя недостойным, хотя в партию предлагали вступить. А в БДТ мне дядя Коля Корн сказал: «Я даю тебе рекомендацию, Кириуша Лавров дает и директор театра. Все, иди в райком».

— А где сейчас ваш партийный билет, можно узнать?

— Да я вышел из партии, когда все это началось. Ведь я хотел даже писать в ЦК, что не понимаю, как дальше жить: что бы я ни сказал, мне это ставят в вину. Я спрашиваю: почему не могу сказать то, что думаю? А мне говорят: да потому, что ты секретарь партийного бюро (в Театре имени В. Ф. Комиссаржевской). Поэтому надо знать устав, надо знать мнение большинства, и вообще вы выступаете против главного режиссера. Но если он ведет себя не по-человечески? Вообще это была кровавая история — в течение 25 лет мы с худруком жили как кошка с собакой. Я трижды подавал заявление об уходе — меня так достало вранье, использование служебного положения, несправедливость... по отношению к другим. Мне-то лично он давал играть...

— Иван Иванович, вы много занимаетесь благотворительностью, проводите вечера для ветеранов «гостях у дяди ани», да вы и сами мальчишкой пережили войну...

— Да, я жил в своих родных Вартемяках с бабой Полей. Старший брат Володя с первого дня войны ушел на фронт и погиб в Сталинграде. Другого брата — Колю — призвали в 43-м, а Васька убежал и стал сыном полка. Нам в деревне было легче выживать — у нас была корова, натуральное хозяйство. Так что как вскопать огород, как посадить картошку, как ее окучивать — это я все знаю, могу фермером работать. Даже сейчас, когда приезжаю к родственникам в Вартемяки, они стараются насыпать с собой настоящей картошечки...

— А ваши родители кто были?

— Моя мама умерла, когда мне было десять месяцев, а папа ее любил — он и до этого попивал, а тут совсем запил. И я остался сиротой в пять лет. Воспитывала меня баба Поля — мама отца. А брат мамы — Иван Иванович Краско — когда вернулся после войны в деревню, то усыновил меня. Так я стал Краско, а был — Бахвалов. Баба

Поля была труженицей и мне привила трудолюбие, честность. Соврать — это последнее дело было.

— вы сказали, что были бы хорошим фермером, — почему им все-таки не стали?

— А потому, что я знал с малых лет, что артистом буду. Хороший у нас был клуб — там показывали кино: «Ленин в Октябре», «Ленин в 18-м году», «Чапаев», «Джунглибарс», «Граница на замке»... О-го-го! Я на этом вырос...

— А при каких обстоятельствах вы познакомились со своей нынешней супругой Натальей Николаевной?

— Да вот здесь, в театре, — она работала в реквизиторском цехе. Посмотрел — девушка симпатичная, а я не знаю ее. Мне говорят: это Наталья Николаевна. Как? Так же зовут, как и жену Пушкина? А она говорит: «Больше того, я живу на Мойке, 112». Я ей: «Не хватает только Пушкина». Она: «Почему же? У нас и Пушкин есть — кот». После этого была очередная встреча. Она мне дала свои стихи, я ей написал отзыв — у нас был такой период эпистолярный, мы пере-

писывались... Потом я предложил проводить ее до троллейбуса, потом до площади Труда — там кольцо троллейбуса... Потом говорю: хочу с мамой познакомиться. Мама в курсе уже. И я ее спросил: «Как вы относитесь, я вот пристаю, жениться хочу на Наташке». Она смеется и говорит: «Вы на себя посмотрите и на меня... Но вмешиваться не буду, это ей решать». А потом я задал Наташе очень простой вопрос: «Как ты относишься к венчанию?» Ответ был для меня совершенно определенный: «А разве можно иначе?» Ну тогда я ее взял за руку и повел к настоятелю храма на Конюшенной площади отцу Константину, чтобы он благословил. И он сказал: «О, ты так благотворно влияешь на моего друга — он же помолодел, он воскрес... Милая моя — все, давай под венец». Так что она тоже считает его «виноватым» в том, что произошло. И мы вместе уже девять лет — я преклоняюсь перед Наташкой.

— Значит, вы счастливы?

— Я возродился с Натальюшкой! У меня появился интерес к жизни — я же стал угасать! Одиночество, собственно, это и есть

причина смерти — человек теряет интерес к жизни. Так что я возродился, а теперь у меня есть забота: мои парни — Ивану восемь, он учится в гимназии, во 2-м классе, а Феде шесть с половиной. Ваня к художествам тянется, как мама, а Федя будет артистом... И их надо вырастить.

— Иван Иванович, а как вы относитесь к слухам о том, что ваша семейная жизнь дает трещину?

— Сейчас спокойно. Я помудрел. Вначале очень ревновал — молодые, красивые ходят — я всех отшил. А сейчас стал думать — женщина молодая, есть же физиология, в конце концов. Ну да ради бога, если надо, отпущу... Я не ставлю себе это в заслугу, но я созрел для этих мыслей. А жене по гроб жизни обязан — у меня такие дети!

— А груз времени ощущаете? Или вы не чувствуете своего возраста?

— В душе я все тот же мальчишка. Смотрю футбол, и у меня нога начинает заноситься для удара... Дети уже знают, что сейчас папа начнет орать.

Беседовала Людмила КЛУШИНА

ИСТОРИИ ОТ ИВАНА КРАСКО

— Эта мистическая и даже грустная история произошла с актером Николаем Муравьевым, который когда-то играл в нашем театре. Однажды я вышел со сцены, а Коля мне говорит: «Иван Иванович, а что вы, собственно, делали сейчас, зачем выходили на подмостки?» Я задумался: а и правда — зачем? Эпизод у меня какой-то неказистый был... И я отвечаю: «Да как вам сказать, сударь, я на сцену для блезиру выходил». И тут смотрю: дурашливое выражение на Колином лице сменяется серьезным. И продолжаю шутить: «А вас, сударь, как вижу, мой ответ обескуражил?» Он грустно отвечает: «А я, Иван, сейчас подумал, что я всю жизнь выхожу для блезиру». И через три дня после этого Коля явился в театр в состоянии «творческой депрессии», как это называл наш директор, то есть сильно нетрезвым. Художественный руководитель сделал ему выговор, но еще через неделю тот снова пришел пьяным. А на третий раз его уволили, худрук сказал: «Извини, Коля, но в таком виде ты в театре не нужен». Он потом работал сторожем в Никольском соборе, отдалился от актерской братии, и я о нем ничего не знал. Однажды встретил его дочь Надю, она сказала, что папа уехал жить в деревню. А когда вышла моя первая книга «Жил один мужик», в которой я рассказал эту историю, то через две недели Коля умер... Слова очень много значат, и шутки иногда оборачиваются чем-то драматическим.

— Иногда, работая над ролью, я делаю этюды прямо в жизни. Когда репетировал Креона в «Антигоне», мне было сложно почувствовать себя царем, я простой деревенский парень. Но вот однажды в метро я выбрал взглядом одного накачанного парня и стал на него пристально смотреть, вложив во взгляд всю свою волю и энергию. И он занервничал, разозлился, стал мне взглядом говорить, мол, чего уставился. И тогда я заулыбался, потому что нашел одного бунтаря. Мне было важно, как Креону, встретиться с человеком, не согласным со мной. А люди в вагоне стали нас обсуждать и решили, что парень передо мной в чем-то провинился, раз он злится, а я улыбаюсь. И я, и он давно проехали свои

станции, все смотрим друг на друга, на конечной я его уже так разозлил, что он мне говорит: «Может быть, выйдем?» — и сам пятится к двери, боясь потерять мой взгляд. Мы вышли, он на меня наскакивает, кричит: «Я тебя сейчас по этим колоннам размажу!» А я ему говорю: «Сынок, дай мне все тебе объяснить! Дело в том, что я царь». Тут он совсем испугался, говорит: «Так я и думал, что ты псих!» Но в театр на репетицию я в этот день впервые пришел царем.

— Еще я очень люблю наблюдать за детьми и все записываю. Мне кажется, что это не только мне, как отцу, интересно. Вот, например, мой младший сын Федька — в четыре года встает с горшка и

еще без штанов, раскинув руки, торжественно восклицает: «Ну, я к вашим услугам!»

Раньше старший Ваня играл со мной в спектакле сына Сокрыта, теперь ему исполнилось восемь, он стал стесняться и сказал: «Папа, я больше не выйду на сцену». Я ответил: «Ну, твоя воля, значит, Феденьке придется играть». И недавно Федя заявляет: «Нет, наш Ваня актером не будет, это мы с папой актеры!» Он очень одарен. Вот на днях мы пришли в садик, и я говорю сыну: «Федя, к моему большому стыду, мы пришли в группу самыми последними». Федя встал, посмотрел на всех и вдруг упал «замертво». Вот, мол, горе какое...

— Вот еще один случай. Позвонил мне мой однокурсник Саша Анисимов и говорит: «Вань, ты где?» Я отвечаю: «В психушке, Коля». И тут повисла замечательная пауза. Потом Саня — почему-то тихо — переспрашивает: «Где?» — «Ну в психушке, Коля», — повторяю я. Он совсем разволновался: «Погоди, у тебя что-то случилось?» — «Ну да, — говорю, — в общем-то, случилось — я на съемке». — «Фу ты, Тома! — Это он жене кричит. — Дай-ка валидол». Любопытные ситуации в жизни возникают на каждом шагу, умей только хватать.

— Мне кажется, лучше тельняшки ничего нет. У нас в семье все ходят в тельняшках — и я, и наша мама, и дети...